

непреднамеренно, по ошибке; на этом фоне окрался может быть понято как ‘по ошибке присвоил чужое’. Как обозначение незначительной, совершенной без злого умысла кражи этот глагол выступает и в «Вопрошании Кириковом» (гл. 83): *ѡже ли ѡкрадеть(с), а то оуложат ѡтаи, то достоитъ* [поставить дьяконом].

Главная же поправка заключается в переосмыслении коммуникативной структуры грамоты. Слова *азо дубие ѡимаю по своей мети* и *то мои дубо, ваше бортико окралоса первы* мы предлагаем считать прямой речью Шуйги, вводимой без эксплицитного маркирования, что в берестяных грамотах — не редкость (ср. № 154, 697, 755, 962). При таком членении текста в нем выделяются три смысловые части: 1) констатация общего положения дел; 2) более подробное описание действий Шуйги, с цитированием его слов; 3) призыв к адресату вmeshаться и исправить положение. Приведем текст с разделением на эти части в нормализованной орфографии:

Ѡ Илийцѣ ко Илье. 1) *Шюига дубие переписываетъ, а бчелы ти лазиль.* 2) *«азъ, — [говорит Шуйга], — дубие ѡимаю по своей мети». А тесно [он] сътесываетъ, [говорит]: «то мои дубъ, вашъ бортникъ окралъса первый».* 3) *А нынѣ поѣди самъ сѣмо, утверди свою бортью.*

Не пересказывая деталей аргументации, обосновывающей такую трактовку, скорректируем наше понимание заключительных слов Шуйги. Слова *ваше бортико окралоса первы* мы перевели ‘ваш бортник первый своровал’. Такой перевод оставляет неясным, какому более позднему акту воровства противопоставляется эта «первая» кража. Всё становится на свои места, если понимать *первый* не как часть именного сказуемого, а как дистантно расположенное определение к *бортникъ*, имеющее значение ‘прежний’ (см. СДРЯ, 9: 273). Стесывая «тесно» Ильи, Шуйга утверждает, что дубы принадлежат ему и что прежний бортник Ильи «окрался», нанеся на них свои знаки. Перевод грамоты в целом приобретает таким образом следующий вид: ‘От Илийцы к Илье. Шуйга переделывает метки на дубах и вынимал мед из ульев. [Он говорит]: «Я отбираю дубы по своей метке». А затес стесывает, [говоря]: «Это мой дуб, [это] ваш прежний бортник своровал». Поезжай же теперь сам, утверди [владение] своей бортью’.

Звен. 2 (10-е – 30-е гг. XII в.; Б 43) [Г]. Как отметил А. П. Толочко (2008), 60 кун за ладью, которые автор грамоты собирается взыскать с адресата, соответствуют норме штрафа, установленной за кражу ладьи в Русской Правде. Отражение грамотой этой правовой коллизии исследователь считает противоречащим предложенной в Гиппиус 1991 и принятой в ДНД трактовке слов *ида на судъ* как метафоры, обозначающей состояние человека в преддверии смерти (эта трактовка, напомним, опиралась на параллель из Жития Мефодия, где формула *на соудъ градыи* использована во фразе, вводящей духовное завещание Константина). По его мнению, «в грамоте речь идет не о смерти Говена и его завещании, но о его требовании возмещения по суду стоимости ладьи (украденной или утраченной Неженцем), о чем, видимо, Неженец прежде уже был извещен (“поп писал”). Суд, на который отправился Говен, — не метафорический, но вполне реальный княжеский, чем объясняется и угроза Говеновой жены привлечь княжеского отрока: для исполнения судебного решения» (Толочко 2008: 277).

Это объяснение было бы достаточным и даже само собой разумеющимся, если бы не следующее обстоятельство, проигнорированное А. П. Толочко: денег за ладью требует от Неженца не сам Говен, а «Говеновая». Даже при самой смелой оценке степени самостоятельности женщины в домонгольской Руси вряд ли возможно вообразить ситуацию, в которой жена настолько заправляет финансовыми делами мужа, что сама угрожает явиться к должнику с судебным исполнителем. О том, что «Говеновая» выступает в тексте не как жена Говена, а как его вдова, писал уже И. К. Свешников (1990: 128) при первой публикации грамоты («Слід думати що Говен помер: борг від Нежничча хоче одержати вже не він, а його дружина Говенова»). Наша трактовка слов *ида на суд* лишь подтверждает такое понимание дела, позволяя истолковать ситуацию грамоты наиболее экономным способом. Сам И. К. Свешников, как и А. П. Толочко, полагал, что речь идет о княжеском суде, в который ранее обратился Говен и выполнения постановления которого, записанного попом, после смерти мужа требует от должника вдова. Однако поп, как следует из текста, записал то, что «поведал» Говен, а вовсе не судебное постановление; считать же, что записано было исковое заявление Говена, — значит допускать маловероятный

для начала XII в. уровень бюрократизации судебной процедуры. Согласно переводу А. П. Толочко, 'Говен [уже] требовал, [перед тем как] идти на суд, а поп [то] писал'. Но *повѣдалъ* не может означать 'требовал', а поп не мог писать Неженцу — в этом случае при глаголе ожидалось бы местоимение 2-го лица.

В рамках нашей трактовки подразумеваемый общий объект при глаголах *повѣдалъ* и *писалъ* определяется без труда: это сделанное Говеном перед смертью заявление о долге (возможно — незаплаченном штрафе), который следует взыскать с Неженца. Такого рода сведения составляют неотъемлемую часть формуляра древнерусских духовных грамот, начиная с новгородского завещания Климента (...у *Хотьвита взяти Климате гривна солоныхъ коунъ*, у [Т]ъчѣна *поль гривны*, у Кыѣана *поль гривны*, оу Козельца с Ламлан[ы] *поль гривны*, на Доуранѣ *7 гривенъ*... [Тихомиров и Щепкина 1952: 9; уточнения по: Анкудинов 2013б]). Это позволяет думать, что именно духовная грамота в ее наиболее примитивной форме была документом, который со слов Говена писал поп.

Может показаться, что иносказательное понимание слов *ида на судъ* вносит в трактовку документа нежелательную двусмысленность, поскольку дальше в тексте речь идет о реальной судебной процедуре с участием княжеского отрока. Представляется, однако, что в данном случае имеет место не двусмысленность, но преднамеренная семантическая двуплановость, соответствующая разделению в формуляре средневекового акта двух типов угроз нарушителям постановления — божественной карой (*sanctio spiritualis*) и преследованием мирских властей (*sanctio temporalis*). В контексте духовной Божий суд мыслится по модели мирского суда — как место, где завещатель-кредитор сможет свести счеты с упорствующими должниками. Так, в уже упомянутой духовной Климента перечень сумм, которые названные лица должны автору, заканчивается фразой: *Или кто почнетъ сѧ запирати того, тѧ станеть со мною передъ Богомъ*. Эта фраза чрезвычайно близка по форме к угрозе княжеским и владычным судом в берестяной грамоте № 155, концовка которой, в свою очередь, сходствует с концовкой Звен. 2: *или не прислещи, а мнѣ ти стати [о](у кна)за и 8 вѣдкѣ, а больши ти протера гоши(ти)*. В свете этой двойной параллели кажется вероятным, что формула *ида на соудъ* употреблена в грамоте не просто как метафора ухода из жизни, но и как своего рода *sanctio spiritualis*: упоминание Божьего суда, на который отправился Говен, заявив о долге Неженца, видимо, уже несло в себе угрозу, предполагая, что в случае неуплаты Неженец сам будет осужден этим судом. В связи с таким «состязательным» пониманием формулы представляет интерес еще одна параллель к ней, извлекаемая из первого послания Курбского к Грозному: *А писанейце сие, слезами измоченное, во гроб с собою повелю вложити, грядущи с тобою на суд бога моего Исуа* (Переписка: 8).

В отношении данной грамоты следует также отметить, что Й. Схакен (2013) предположительно относит ее к разряду коммуникативно неоднородных документов, допуская, что после слов *а дае Луокѣ* автором речи является уже не вдова Говена, а сам Лука, который и угрожает Неженцу, в случае отказа того заплатить за ладью, явиться к нему с княжеским отроком. Эта трактовка опирается на форму *поима*, которая, при отнесении ее к автору-женщине, оказывается единственным в ранних берестяных грамотах случаем несогласования в роде краткого действительного причастия со своим агенсом. Если же речь принадлежит Луке, эта аномалия устраняется. Впрочем, как отмечает Й. Схакен, материал для выводов о динамике данного явления пока еще очень ограничен, что делает такую интерпретацию лишь одной из возможных.

Дополнение [3]: важнейшие поправки к ДНД₂, уже внесенные в соответствующие статьи настоящего тома.

№ 931: чтение *а* | *азъ* вместо *а|зъ*.

№ 932: чтение *оста|фнина* вместо *оста|фьина*.

№ 934: чтение *есмѣ* вместо *есмъ*.

№ 937: чтение *послале ксемъ* | *с михалькою* вместо *послале ксемъ с|о михалькою*.

№ 943: чтение *са нь надѣи* вместо *са не надѣи* (опечатка).

№ 948: чтение *-(к)сент[и]ѣмо* вместо *-(к)сент[е]ѣмо*.